

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕКРОПОЛЯ БУСТОН VI

Могильник расположен на правом берегу первой надпойменной террасы старого русла Бустансая (западного дельтового протока Шерабаддарьи) на землях совхоза Э.Бердиева Шерабадского района Сурхандарьинской области, в 60 км к северу от г. Термеза.

Бустон VI исследуется с 1990 г. в рамках учебно-производственной полевой практики студентов исторического факультета Самаркандского университета им. А.Навои.

Некрополь - естественная останцевая возвышенность с оплывшими пологими натечными краями общей площадью 4,06 га, высотой - 9 м. Поверхность расчленена водными потоками, образуя ложбинки и отдельные холмы. Погребения в микрорельефе на местности выражены неярко. Местами они читаются на современной древней поверхности (лишь ранней весной) в виде цветowych пятен, лишайной растительности. Стратиграфия типична для надпойменной террасы: она отражает речные наносы, глинистые отложения мощностью культурного слоя 0,4-2,07. Прямая стратиграфия и данные планиграфии позволяют установить два последовательных этапа (могалинский, бустанский) заключительного периода сапаллинской культуры (Аскарлов, Абдуллаев, 1983; Рахманов У., 1987). Зафиксировано 9 достоверных случаев прямого наложения могалинского захоронения бустанским. Стратиграфическая ситуация наглядно показывает их относительную однолинейную хронологию. С целью изучения степени насыщенности могильного поля погребениями, остатками тризны, поминок и других явлений. Раскопки производились методом сплошного полигонального анализа, в результате которого в топографической структуре некрополя впервые были выявлены церемониальные площадки, отражающие

обрядовые действия в период функционирования могильника (Аванесова, 1995, 1999).

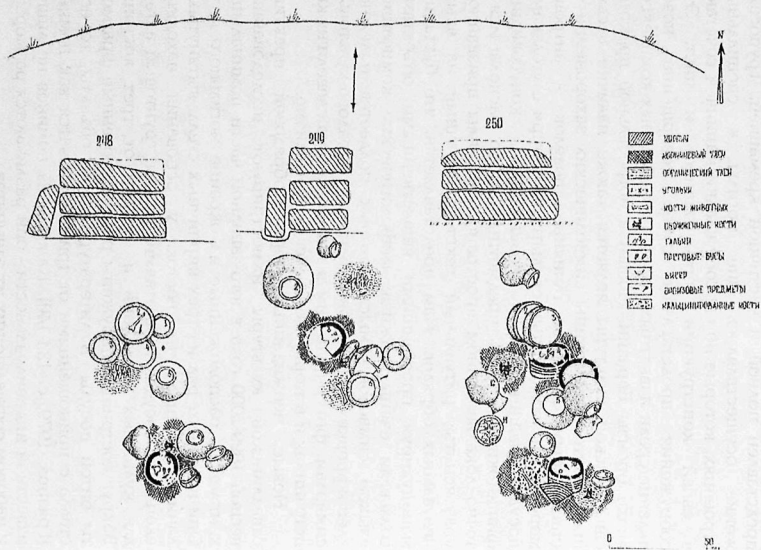
За десять полевых сезонов на площади 4454 кв. м исследовано более 300 погребений разной степени сохранности, восемь сырцовых полуназемных сооружений (трапециевидной и квадратной формы), площадка с галечной вымосткой, четыре каменных кладки, имитирующие солнечный диск, девяти алтарей (квадратной, округлой, прямоугольной формы), множество кострищ.

По устройству могил погребения могут быть разделены на 3 типа: захоронения в катакомбах; подбойные захоронения и в ямах прямоугольной формы с отвесными стенками. Встречаются и конструкции в форме ящика. Стратиграфические наблюдения позволяют считать, что могильные сооружения имели насыпи, возведенные над входом или камерой. Иногда над последними прослеживаются каменные выкладки. Следует также отметить, что вход в камеру часто был закрыт рваным камнем или речным валуном, хотя обычная практика требовала закладывать входной проем сырцовым кирпичом. Размеры могил варьируют в следующих пределах: 1,6(2,2)х1(1,8) м. Глубина ям достигает 0,6 м - 1,08 м. Строгой закономерности в ориентировке погребальных камер, преимущественно вытянутых по оси восток-запад, и самих умерших не наблюдается. Захоронения исключительно индивидуальные в скорченной позе на левом и правом боку.

В погребальной практике бунстанцев выявлено несколько способов обращения с трупом и связанных с последними ритуальных действий. В могильнике засвидетельствовано два основных способа захоронения: труположение и трупосожжение. Для первых характерна полная фракция (торс с конечностями, отдельно голова, кисть), перемещенная («вторичная») ингумация. В погребальном ритуале наблюдаются также культ человеческого жертвоприношения и ритуальное осквернение усопших, отмечены черты, ранее не известные: засыпка дна могилы мелом, угольками, золой,

встречаются куски - имитация огня. Второй способ представлен полной и частичной кремацией. Трупосожжение осуществлялось вне могилы в специальных строениях, которые по способу кладки кирпичей сочетают в своей конструкции черты ящиков и цист. Эти сооружения представляют собой совершенно новое явление среди известных сейчас погребальных комплексов эпохи бронзы Евразии. Новым в погребальной практике сапаллинской культуры является также наличие весьма представительной группы символических захоронений со стандартным набором глиняных поделок - антропоморфные и зооморфные скульптуры, алтари с угольками, посуда (чаши-котлы и ковш-черпак), конусовидные фишки-житоны. Весь предметный набор располагался в точно локализованном пространстве могилы призванного «разъяснить» ритуальный текст, записанный на языке визуальных обрядов. Нам представляется, что бустанцы, манипулируя простейшими вещественными объектами, создавали очень сложные мифологические композиции языком символов, смысл которых поддается надежной «дешифровке» на основе, близкой обрядово-культовым символам, фигурирующим в ведических, послеведических источниках и в тюрко-монгольском шаманизме.

Новые неожиданные черты обрядовой практики сапаллинской культуры иллюстрируют исследованные весной 1999-2000 года в юго-западной части поминальные комплексы, расположенные на окраине могильного поля. Они включают ряд из трех кирпичных стелл, вытянутых в линию с запада на восток, у основания находятся скопления сосудов с остатками тризны: грунтовый алтарь для культовых возлияний и остатки от трех кострищ. Вокруг кострищ обнаружены рассредоточенные фрагменты битой посуды. В литературе такие объекты, то есть стелла с приношениями от тризны, значатся как помины (Грязнов, 1979, с. 134-140). Каждый из поминов не лишен известной индивидуальности - они различаются размерами и набором составляющих их элементов.



Поминальный комплекс - часть сложного полифункционального сакрализованного пространства, где особое место отводится огню как очистительной силе. Функциональную направленность комплекса мы связываем с ритуалом жертвоприношения. Последний является отражением осознания социальной связи живых и мертвых (Антонова, 1999).

В погребальной структуре выделяются погребальная, поминальная трапеза и заупокойное пропитание. Судя по возрасту забитых животных (4, 6, 8 месяцев, старше года), обрядовые действия совершались в течении всего года.

Характерную особенность жертвенной пищи подчеркивает размещение ее в разных плоскостях: на дне могилы, у входа в камеру, на уровне древней поверхности, в насыпи. Находки костей животных позволяют считать, что у бустанцев существовала традиция помещения строго определенных частей жертвенных животных от тризны (задняя часть овечьей туши, грудинка, лопатка, реже крестец) в качестве заупокойной пищи.

Полевые исследования 2000 года подтвердили наши суждения о том, что могильник использовался не только как кладбище, он одновременно был церемониальным центром, где совершались коллективные обряды, предписанные традицией.

Вокруг площадки «крематорий» VII-VIII, обнаружен галечный настил подпрямоугольной формы (2х3), возведенный на кострище (80х60 см). Под ними отсутствует какое-либо сооружение. Возможно, перед нами смертный помост, где выставлен труп для прощального оплакивания (при расчистке галечной платформы обнаружено украшение), что позволяет отнести появление «дахмы» в дозораострийское время. Отсутствие подобных объектов в синхронных могильниках не позволяет пока дать ему исчерпывающую оценку.

Сравнительный анализ бустанского комплекса с аналогичными могильниками показал значительное их своеобразие и ряд принципиально важных черт, отличающих их от погребальных памятников ранних этапов сапаллинской культуры. Своеобразие бустанского

этапа нагляднее всего проявляется в наличии церемониальных площадок. Определяющей чертой для атрибуции сакральных участков служат остатки от кострищ, алтарных устройств, свидетельствующих об актах возлияний и жертвоприношений, а также наличие площадок со следами ритуальной тризны и битой посуды, и, наконец, отсутствия могил в пределах особо почитаемых мест. Сакральные участки маркируют границу некрополя.

Наши материалы фиксируют становление качественно нового периода в жизни сапаллинского общества, где постоянными элементами обряда являются знаковые функции, большая роль при этом отводилась огню. Большое разнообразие обрядов на одном могильнике, вероятно следует объяснить сложными этническими процессами, имевшими место в конце II тыс. до н.э. с приходом степного населения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аванесова Н.А. Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // Археологические вести, № 4, 1995, СПб.
2. Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент, Фан, 1983.
3. Антонова Е.В. Место умерших в жизни живых и погребальный инвентарь: археологические факты и исторические свидетельства (Месопотамия) // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., «Восточная литература», 1999.
4. Грязнов М.П. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, «Наука», 1979.
5. Рахманов У. Керамическое производство эпохи бронзы Южного Узбекистана. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 1987.

Н.А.Аванесова
(Самарканд)

Бўстон VI кўҳна қабристонидagi текшириш натижалари **Қисқача мазмуни**

Мақолада Самарканд Давлат Университетининг Сурхондарё вилояти Шеробод туманидаги Бўстон-VI қабристонига олиб борилган археологик қазув ишлари натижалари ҳақида хабар берилади. Университетни 10 йил давомига ўрганган қабрлари сони 300 дан ортиб кетган. Изланишлар натижасига Сополми маданияти соҳибларини дафн урф-одатлари натижасига янги маълумотлар қўлга киритилди.

The results of the research of Necropolis of Bustan VI

Summary

The article presents the works of the scientists and students of Samarkand State University. During 10 field seasons the memorial Bustan art being explored at the Sherabad district of Surhandarya region.

On the area of 4454 sq.m. are discovered more than 300 burials with different degree of safety. There were discovered several types of burial traditions which the people of Bustan had done with the deceased. Explorations of the current year confirmed the judgements that the graves had been used not only as a cemetery, but at the same time it was a ceremonial centre, where collective rituals took place which were instructed by traditions.